КРАСНОЗНАМЯ
Владивосток
22 ИЮ 1976

Гастрольное лето

ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК И МАСТЕРСТВО

Среди сценических видов искусств оперетта появилась позже других и на правах молодого наследника взяла всего понемногу от оперы, драмы, балета. Подмешав в этот «коктейль» сольный нрав парижских и венских варьете, здоровый народный юмор, шаржированную сатиру на нравы, оперетта долго ходила в золушках у подножия Парнаса, довольствовалась сиюминутным успехом, не помышляя о классическом пьедестале. В глазах ценителей искусства слава Эрве, Оффенбаха, Штрауса казалась несколько сомнительной. То, о чем они так приятно писали в оперетках, представлялось все же простым и заземленным, «пестрым сором» на фоне высокого искусства. Только много позже поняли, что оперетта была одним из жанровых ответвлений музыкального реализма девятнадцатого века и что она дала полновесные творческие плоды, называемые ныне «классической опереттой».

Без нее немыслимо представить афишу любого театра музыкальной комедии. Зритель, как от печки, танцует от нее. Привязать его к театру и затем повести на современную оперетту можно пока только через оперетту классическую. Она остается высшей школой мастерства для артиста и режиссера. Увидеть их в «Сильве», «Графе Люксембурге», «Шпаге поэта» и т. д. — значит получить довольно полное представление о них, о театре, о наличии творческих сил. А силы эти нужны не только для исполнения ролей в классических оперетках.

Сибирские артисты воюют за классическую оперетту и с ней самой, и с предрассудками зрителей. Им они передают свое оригинальное понимание классики, достигая, например, в много раз слышанной «Сильве» неподражаемого ощущения новизны...

Сначала все было как и положено по сюжету: варьете, сельские обнимания разных калибров, волнуемые ими «красотки для развлечения». Одним словом, накатанный путь в кантатном сладком жанре аристократии, кавалеров, ожидания зрителя. Но тут Боби Кольчалу запел: «Нем без женщин жить нельзя», поучительно называя себя в танце начисвашку. И вдруг, вместо юного графа, прожигателя жизни, мы увидели самое молодость в избытке сил и чувств, которая не может не петь, не любить, не танцевать, потому что по-другому в молодости и быть не может. Слепом за В. Жибиновым буквально все артисты заставили спять каким-то новым светом столь знакомые обиды. Придали оперетте огромную наполненность обращению вечными, не теряющими счет, человеческими чувствами. Сценская история о молодых влюбленных в незлые кабаре вырастала до размера и трагедии любви, и одиночества, горести и повседневности на маленьком пятачке мелодрамы.

Удивляет изобильная щедрость не просто исполнителей, а яких артистических личностей из среды искусства оперетты. К. Арнадьева (Фефа), Л. Устинова (Сильва), заслуженная артистка РСФСР В. Жаднова (Фефа) невозможно удивить в исключительно даже одного только амплуа. Они бесконечно далеки от обещающих хорошо танцующих лоутов традиционной оперетты. Стасся вся лучшая начующей свежестью непосредственного «художественного бебешка», с непостижимой легкостью переходя от наивности и лукавства к непосредственной беспечности, от кокетства шутки к ушам. Это было не только актерское исполнение, а заглавный образ. «Шпаги», если так можно сказать, своя задушевная тема в творчестве. Такие нежная грацией, движений, мягкая разновидность К. Арнадьева для исполнения «перетолкованную» Фефа отличающего своим обаянием сильным по всему суту методом. Полные бойкостью и веселостью вспыхнуть каждая грань шикозного дарования В. Жибинова, являющего собою яркий образец актера, который все может делать, и делать отлично.

Да и в целом Иркутский театр на очень высоком уровне воспитывает своих артистов высоких дарований. Танцы, движение по сцене, пантомима, речь, вокал у большинства из них «включаются» и «переключаются», когда надо, с такой непринужденностью, что, воспринимаются как формы совершенно естественного существования героев. Здесь не было рваного на куски мюзикхоллного гала-концерта из отдельных номеров. Цельность, свободное дыхание, бодрый, пронизывающий спектакль ритм, тончайшая нюансировка чувств и настроений с буффонными контрастами характерных героев — все это дало зрелище удивительно яркое, насыщенное и, главное, очень достоверное и берущее за душу. Последнее во многом было достигнуто благодаря Н. Горбуновой (Сильва) и заслуженному артисту РСФСР Роланову (Эдвин) — идеальному, нажетеи, актерскому дуэту для исполнения этих ролей.

У теперь большой знаменитых и талантливых актеров сцены. Достаточно сходить на один-два спектакля, как, или по-третьи, ловишь себя на мысли, что сделанный интерес для тебя, представляют уже такие актеры, как Е. Волошина, А. Комарова, В. Дымченко, народный артист РСФСР Н. Загрекин, заслуженные артисты РСФСР М. Шкилевская и Н. Хохлов, и это можно упоминать выше солистов. В сдаче настоящего интереса с поля как таковых на артиста нет никакого предварительного. Когда артист на сцене — значит идет с твердой надеждой увидеть в театре не просто профессиональное исполнительство, а как бы самое творчество.

Иркутяне относятся к оперетте, как к делу серьезному, но отнюдь не в ущерб ее обязательной веселости и счастливым разглядам жизненных коллизий. Просто эти законы жанра не являются для них самоцелью. Театр исходит из той простой посылки, что жизнь многонрасочна и одном розовой расцветки слишком мало для ее изображения. Оперетту И. Штрауса «Шпага поэта» театр не пытался драматизировать, раздвинув неприлично широко и смело границы возможностей оперетты. В ней резко разведены, как на дуэли, противники. Их спор идет не на жизнь, а на смерть. Любовь там рождается в испытаниях. Дольше в качестве действующего лица народ: поэтящее — и стают ясен необычный характер этой, можно сказать, героической оперетты.

Высокие драматические нагрузки артисты пронесли через спектакль без напряжения, легко, с отменным вкусом придавая ролям специфически оперетточное звучание. Даже герцог Моро К. Арнадьева, сыгранный размашисто, резко, в полную силу, органично вошел в слаженный ансамбль этой оперетты. В конечно зачастую особенно роскошно в послужном списке театра. «Шпага поэта» режиссер Я. Сонин исполнена веры в большие возможности классической оперетты (и они здесь в полную меру использованы), в то, что ей можно доверить разговор не только единственно о любви (и это коллективом доказано).

Спектакли иркутяне обычно поставлены разными режиссерами, оформлены непохожими художниками, балетмейстерами и при этом имеют нечто общее, возникающее, видимо, из традиции, из духа и творческих требований Иркутского театра музыкальной комедии. Представляется, что здесь не могут быть проходные спектакли, сделанные «вполсилы». Каждый виденный спектакль «задевает» за живое и будит отклик. А «Граф Люксембург» (режиссер А. Орлов), например, показался не одним из приемлемых вариантов этой оперетты, а единственно возможным — так заразительны, неподражаемы были в этом спектакле Н. Загрекин (граф Франческу), его прямо-таки феодальная невеста в исполнении Е. Волошиной и Жюльетта Л. Устиновой. Эти характерные роли прекрасно уравновесило трио актеров иного плана: Н. Наз, В. Пасиков, Н. Хохлов.

Много теплых слов направляется и в адрес балета театра, его художников, дирижеров. Словом, без преувеличения можно сказать, что Иркутский театр музыкальной комедии — один из лучших гастролировавших во Владивостоке театров оперетты. Он переживает сегодня тот счастливый миг своей жизни, когда весь театр—ансамбль от невидимого осветителя, посылающего свет на сцену, до актера у рампы. Ансамбль, богатый талантами, ищущий и творческий.

В. НИКОЛАЕВ.